

Григоре Виеру:

Я ЖИВУ

НА КРАЮ ПЕСНИ...

других детских игр... И в этом была большая духовная наполненность. Так что жить трудно и жить бедно — разные понятия. Иногда говорят: рос в бедности — вырос талантливым. Слишком примитивная посылка. Быть талантливым — это прежде всего осознать себя духовно богатым. Сложности, трудности жизни могут заострить какие-то грани дарования. Но только тогда, когда оно есть. Мне думается, прямолнейное и однозначное понимание бедности — богатства, когда так слишком вещественно и материально расценивается человеческое существование, отодвигает на задний план то, чем духовно обогащает нас сам окружающий мир.

— **Нравственное и эстетическое воспитание ребенка с его первых шагов на земле создает основу, на которой вырастает гражданин, патриот, личность. Какова, на ваш взгляд, здесь роль литературы, искусства?**

— **Мать, Родина, солнце, звезды, природа...** Это с человеком с самого начала. Он растет, взрослеет, и постепенно усложняются его представления об окружающем мире. Задача литературы, искусства, всего воспитания — чтобы этот изначальный запас нравственных представлений о мире не скудел, а, напротив, становился богаче и разнообразнее. Важно, чтобы читатель с детства воспитывался на хороших, чистых стихах. Только тогда, став взрослым, он будет в состоянии понимать настоящую поэзию, с ее многозначностью, философскими обобщениями...

С детьми можно говорить обо всем: о весне, когда «травка нежная проснулась, ласточка домой вернулась», о лете, когда «дождь на голубых ногах» поит хлеб и цветы, о солнышке — оно не знает, сколько у него лучей, но ласкает и греет всех, о промчавшейся тучке, которая оставила в небе ленту цветную... Задумавшись об улитке, живущей в тесном домике, ребенок может задаться вопросом: «Как не скучно ей одной?» А услышав или прочитав о птенцах, укрытых «одеялом, теплым маминим крылом», живущих в листве родной ветки, приобщиться к таким самым главным понятиям, как Мать и Родина.

Хорошо, что сейчас в связи со школьной реформой будут перестраиваться программы и учебники. Помню книгу для чтения третьеклассников, где в начале тридцать страниц подряд шли стихи о Родине. Это значило, что по программе с 1 сентября до 1 октября проходила тема «Родина». Так же, как с первого до пятнадцатого марта — тему «Мать». Но можно ли любить Родину только в сентябре, а маму две недели в марте? Более того, назойливое повторение на каждой странице каждый день обесценивает эти высокие понятия. Не говоря уже о том, что они могут жить в самых разных поэтических образах и темах, вплоть до космических и, разумеется, круглый год имеют право на место на любой странице хрестоматии.

К слову о школьной реформе, мыслями о которой мы все живем последнее время. Очень правильно, что в решении партии, правительства такое большое внимание уделяется учителю, его месту в нашем обществе. Когда я приезжаю в школу и вижу перед собой детей, мне очень быстро становится понятно, какой у них учитель. Бывает, что и три часа пролетают незаметно, так живы, восприимчивы и любознательны дети. А есть такие аудитории, где дети будто глухие, поговорить с ними и тридцать минут мука мученическая — спина становится мокрой, пока удается разбудить их, вызвать интерес к разговору... Конечно, хорошо, просто необходимо повысить зарплату учителю, поднять престиж, авторитет к профессии. Но нужна «реформа» и самого учителя. Воспитателя надо воспитывать. Нередко в педагогические вузы поступают наиболее слабые выпускники школ — там меньше конкурс, чем в других ин-

ститутах. Чтобы быть учителем, нужны глубокие знания, призвание. Без искренней, деятельной любви к детям учитель невозможен. Вялеть духовного мира юной личности, доверенное лицо общества — да, именно таким должен быть народный учитель, которому вверено самое дорогое — наши дети, а значит, и наше будущее.

— **Григорий Павлович, долгое время вы писали только для детей. К взрослому читателю обратились, став уже известным детским поэтом. Чем вы объясняете такую особенность своего творческого пути?**

— Прежде всего, наверное, тем, что придумывать стихи начал еще ребенком для таких же ребят, каким был сам. Я об этом уже говорил. Свою роль сыграло и то, что я окончил педагогический институт. Особый предмет гордости, удовлетворения — букварь, который мы написали с Вангели. Помолдавски он называется «Абечедар» и есть в каждом доме, где растут дети. Когда мне рассказывают, что по моей азбуке — «Албинуце» сын или дочка научились читать задолго до школы, я чувствую себя счастливым.

Детская поэзия с ее сжатостью, ясностью, простотой была хорошей школой, которая очень пригодилась мне, когда я стал писать для взрослых. Тот же мир, который я старался раскрыть ребенку, только теперь уже в его более сложных формулах и значениях, составляет суть и моей «взрослой» лирики.

— **Самое большое место в ваших стихах принадлежит образу матери. Наверное, строки: «Если б ты была звездой, мама, я тебя открыл бы...» могли бы стать эпиграфом ко всему вам написанному...**

— Было время, когда меня упрекали в ограниченности тематики: мол, сколько можно писать стихов о матери? Я отвечал: «Солнце восходит каждый день, и мы не перестаем удивляться этому чуду, то же самое для меня моя мать...» Уже больше двух лет прошло, как она умерла. Совсем еще не старой... Она была матерью всю свою жизнь. Осталась сиротой и стала матерью двух младших сестреноч и братишки, когда ей было всего восемь лет. Незаживающая рана на всю жизнь — на ее глазах погиб, сгорел шестилетний брат. В шестнадцать лет она вышла замуж за моего отца, тоже сироту, у которого на попечении были младшие братья и сестры. Она стала матерью и им. Когда мне было всего полгода, заболел и умер отец. Мать осталась опять одна. Через несколько лет, когда подросли те, кому она стала названной матерью, она вышла замуж во второй раз, родила мою сестру. Мой отец не вернулся с войны. Больше замуж моя молодая и самая красивая мама не вышла...

Мама моих стихов для детей — та, у которой много дел, и она просит звезду: «Эй, звезда, выручай, мою дочку покачай», та, в глазах которой увидел свое отражение маленький мальчик и уже ни за что не хочет расстаться со своим крошечным двойником. Это, наконец:

Ну-ка, М,
Дай руку А,
Ну-ка, МА,
Дай руку МА.
МА и МА, а вместе МА-МА!
Это я пишу сама.

Первым взрослым стихотворением о матери были «Рубашки». Каждую субботу мать стирает рубашки сына, не вернувшегося с войны, ведь в во-скресенье парни и девушки со-берутся гулять, и, если вернет-ся сын, у него должна быть самая белая рубашка... Я гово-рю о том, что в зеленое про-странство материнских глаз вменяются все страдания мира. О сердце матери, которое все-гда болит — «особенно, когда земля горит от безводья. Осо-бенно, когда отец с войны не приходит. Особенно, когда в люди я хожу и домой не пишу месяцами...» О ее руке, кото-рая «как ветвь, увядшая на

склоне дней, состарилась на голове моей»...

У меня самого уже взрослые дети, но я не представлял себе, что когда-то матери не станет. Казалось, она будет всегда. С ее уходом что-то рухнуло в этом мире, и я остался один... Реквием я написал сразу, едва успевая записывать уже готовые строки, которые лились и лились. А потом больше года не мог писать ничего...

Рухнуло небо из глаз твоих
И раздробилось.
Солнце упало со лба
твоего,
В лед превратилось.
Ветер весенний окаянел
Без твоих рук проворных,
И ручейки, что стремились
к тебе,
В пластах затаились черных...

— **В одном из стихотворений у вас есть строка: «Я живу на краю песни...» Это, конечно, поэтический образ, емкий, неоднозначный. Но многие ваши стихи действительно положены на музыку, стали популярными песнями. Как вы пришли к песне?**

— Я никогда не писал так называемых текстов для песен. Но песни очень люблю. Дать через песню хорошие стихи — большое дело. Мелодия помогает воспринимать поэзию людям, мало в ней искусственным. К сожалению, часто песня как бы навязывает им и плохие стихи. Вот, к примеру, строка одной современной молдавской песни, которая в переводе звучит примерно так: «Налейте вина и дайте голубца!» Это человек приходит в гости и требует, чтобы дали выпить и закусь. Вот уж бестактность, не свойственная молдавскому крестьянину! Или другая песня — «Выше стакан, я люблю Молдавию!». К сожалению, тематика наших песен не отличается разнообразием: «О Молдавия моя!» и «О милый мой!», а между ними пустота... А впрочем, я отклонился от вопроса...

Очень люблю народные песни. Это тоже из детства. В доме моих родственников — лау-таров были все народные инструменты. Насколько хорошо там пели и играли, можно судить по тому, что Думитру Блажину уже многие годы руководит фольклорным ансамблем молдавского радио и телевидения. Я пропадал в их доме днями, боясь пропустить, не услышать хоть одну песню.

Круг любителей и ценителей поэзии сравнительно невелик. Даже если книга вышла тиражом двадцать тысяч экземпляров, это вовсе не значит, что у нее двадцать тысяч читателей. Другое дело песня! Я представляю себе свою сестру, которая живет в селе, работает на ферме и на чтение стихов у нее нет времени. А песня она поет, с удовольствием слушает по радио.

На многие мои стихи, особенно детские, композиторы охотно пишут музыку. В последнее время появились и песни с моей собственной мелодией. Как это вышло? Я давно замечал, что иной раз, когда пишу стихи, во мне звучит мелодия, и тогда стихи получаются лучше. Однажды я напечатал новое стихотворение композитора Тудору Кирьяку и Юлии Цибульской. Они нашли мелодию своеобразной и записали ее. Мы договорились, что такие стихи-песни я буду им «показывать». Жили мы довольно далеко друг от друга. Я забываясь в хвост троллейбуса и, уставившись в заднее стекло, повторял мелодию. Пассажиры поглядывали на меня подозрительно, видно, принимая за сумасшедшего. Я стал ходить пешком. Но стоило встретить кого-нибудь из знакомых и поздоро-ваться, как мелодия тут же улетучивалась. В конце концов мелодию я стал просто записывать на магнитофон. Так или иначе с помощью моих друзей композиторов Юлии Цибульской и Тудора Кирьяка я сочинил немало песен. Их поют в детских садах и школах, и, не буду скрывать, мне это приятно.

Беседу вела
М. ИСКОЛЬДСКАЯ.
НИШНЕВ.

В Молдавии имя Григоре Виеру знают в каждом доме — уже многие годы молдавские первоклашки обучаются грамоте по букварю, который Виеру создал со своим другом писателем Спиридоном Вангели. «Веселая азбука» Григоре Виеру переведена на русский язык и издана огромными тиражами. Популярны песни на стихи Виеру. А книги лирики (русские читатели знают их под названиями «Потому что люблю» и «Лист зеленый») свидетельствуют о том, что его самобытный поэтический талант все более крепнет. Григоре Виеру — лауреат Государственной премии Молдавской ССР и премии комсомола республики им. Б. Главана.

В здании правления Союза писателей Молдавии есть удивительно уютный уголок — длинный коридор будто делает остановку в просторной нише с окном во всю стену, где стоят плетеные стол и три кресла. Через окно видна живописная роспись черепичных крыш. Я показываю Григоре Виеру выпущенную Молдавским обществом книголюбов брошюрку, в которой напечатана его фотография со школьниками. Судя по выражению ребячьих лиц, было захватывающе интересно то, что он им рассказывал, и я попросила Виеру вспомнить о своих встречах с ребятами.

— Я много бываю в школах, привык к общению с детьми, и обычно мне с ними легко. Но одна встреча оказалась для меня неожиданно трудной. Это было в моем родном селе. Весь первый ряд в клубе заняла моя родня, во втором сидели учителя, среди них и те, которые учили когда-то меня, в третьем — мои товарищи по школе... Вдруг мальчик из задних рядов спросил: «Наши родители говорят, что вы были очень бедными. В ваших стихах про это ничего нет. Почему?» Этот вопрос ребенка, с виду такой простой и наивный, на самом деле касался сложных вещей. Я ответил: «Мы действительно жили трудно, очень трудно. Но бедным я не был никогда. Бегал босиком, но бегал по густой и мягкой траве. Купался в чистой воде нашей реки и нашего озера. Леса подступали к самой деревне, и я слышал, знал голоса всех птиц. А в доме моих родственников Блажину, где все были лау-тары — народные музыканты, я переслушал и запомнил на всю жизнь наши чудесные дойки...»

Десятилетним ребенком я оставался в доме совсем один, когда мама на несколько дней уехала в соседнюю область, чтобы раздобыть какой-то еды. Это были трудные послевоенные годы, страшная засуха, неурожай. Но я был слишком мал, чтобы думать об этом. Мне было просто страшно одному в пустом доме. Я не спал, и чтобы быстрее прошло время до мамного возвращения, сам себе рассказывал сказки. Знал я всего две. Но однажды мне их рассказывать не захотелось: про козу с козлятами боялся — слишком похоже на нас с мамой, а вторая веселая, видимо, была не под настроение. И я стал сочинять свои сказки. Учился я тогда в 3-м или 4-м классе, и на следующее утро рассказывал свои стихи и сказки товарищам — кто же сочиняет только для себя? Стихи воспедали то, чего не доставало в жизни. Это была своеобразная игра взамен